

ИСТОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГЕНОТИПА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ МЕНЕДЖМЕНТА

В. Л. ТАМБОВЦЕВ

Экономический факультет МГУ

Понятие социально-экономического генотипа (СЭГ) как информационного механизма, обеспечивающего устойчивость и изменчивость социально-экономических систем, было введено Е.З.Майминасом в середине 1960-х гг. и развивалось им вплоть до его кончины в 2000 г. Советская экономическая наука по известным причинам развивалась практически вне контактов с мировой экономической наукой, в силу чего понятие СЭГ осталось неизвестным в рамках последней. В статье проанализировано соотношение понятия СЭГ с такими понятиями, как рутина, зависимость от предшествующего развития, организационное обучение и др., и показано, что СЭГ может выступать в качестве интегративной концепции, объединяющей названные понятия. В заключительной части статьи обсуждаются возможные направления развития понятия СЭГ.

Ключевые слова: социально-экономический генотип, рутина, зависимость от предшествующего развития, организационное обучение.

В историографии отечественной управленческой мысли широкое освещение нашел период ее развития первой трети XX в. (А. А. Богданов, Ю. А. Гастев и др.), в то время как остальные периоды изучены гораздо менее детально. Один из них — это 1960–1980-е гг., в течение которых в стране развивалось такое научное направление, как экономическая кибернетика, создатели и сторонники которого с той или иной степенью успешности развивали идеи кибернетики применительно к плановой эконо-

мике. Одним из достижений этого периода явилась разработка Е.З.Майминасом (1932–2000) понятия социально-экономического генотипа, способного выступить объясняющим фактором динамики различных экономических организаций и процессов управления ими. Целью статьи является сопоставление данного понятия с рядом других понятий, широко используемых как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях процессов управления экономическими организациями.

1. Краткая характеристика понятия социально-экономического генотипа

Введение в научный оборот понятия социально-экономического генотипа (СЭГ) является одним из наиболее значимых результатов, полученных Ефремом Залмановичем Майминойсом в ходе разработки им практически в течение всей его жизни информационной теории функционирования и развития экономики, или экономической кибернетики.

Первые концепция СЭГ была представлена широкой общественности на проходившем 5–10 апреля 1965 г. в Берлине (столице ГДР) международном научном семинаре [Майминас, 1965; Maiminas, 1967] и впоследствии развита в ряде теоретических публикаций (см.: [Майминас, 1966; 1967; 1976] и др.). СЭГ определялся в них как информационный механизм социального наследования и социальных изменений, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и распространения позитивного опыта) в определенной общественной системе. Таким образом, СЭГ включает три аспекта механизма социальной эволюции: наследственность, изменчивость и селекцию.

Множественность функций СЭГ обуславливает и его достаточно сложную структуру, включающую как блоки — преобразователи информации, так и ряд прямых и обратных связей между ними, а также с внешней средой. Блоки-преобразователи информации включают не только функциональные блоки принятия решений, но и классификации и обобщения (агрегирования) данных, их фильтрацию и т. п. В составе СЭГ выделяются два основных механизма: жесткого регулирования и самообучения. Оба они функционируют посредством нескольких контуров: правового, административно-организационного, морально-воспитательного и экономического регулирования, которые, в свою очередь, проявляются через стереотипы поведения,

императивные и диспозитивные нормы, а также внутренние стимулы к самообучению. Совокупность стереотипов, норм и внутренних стимулов может оказаться как внутренне согласованной, так и противоречивой, но именно она определяет действия индивидов, которые могут оказаться как успешными, так и неудачными по своим результатам. Соответственно, успешность предпринятого действия (например, успешность выполнения плана) закрепляет сложившуюся совокупность стереотипов, норм и стимулов, неудача включает механизм выявления ее источников, которыми часто оказываются несогласованности упомянутых стереотипов, норм и стимулов, а также их совокупностей — контуров правового, административного и т. д. регулирования. Важно отметить, что выделение СЭГ в качестве определенного информационного механизма возможно не только для обществ как социально-экономических систем макроуровня, но и для их составных частей — социальных групп, предприятий (фирм) и др. [Вилкас, Майминас, 1981, с. 76–94]. На всех этих уровнях СЭГ со стороны своей материально-вещественной формы существует в виде «бумажных» документов нормативного характера (законов, подзаконных актов, инструкций и т. п.), компьютерных программ, различных методических и справочных материалов, а также непосредственно в памяти людей — как в форме знаний о содержании перечисленных выше документов, так и в виде эвристик, т. е. простых правил принятия тех или иных решений.

Приведенное здесь структурно-функциональное описание содержания понятия СЭГ, сформированное, как отмечалось, в середине 1960-х гг., в последующих исследованиях Е. З. Майминаса по данной тематике практически не претерпело каких-либо серьезных изменений. Собственно развитие им этого понятия, происходившее уже в 1980-е и последующие годы, было связано не с формально-аналитической, а с содержательной его стороной, т. е. со спецификацией СЭГ для России (см.: [Майминас, 1989; 1996] и др.). Поскольку это направление

выходит за рамки исследований менеджмента, мы остановимся в данной статье именно на формальных аспектах понятия СЭГ, попытавшись сопоставить его с другими понятиями, в чем-то схожими с ним по содержанию и широко используемыми в теоретических работах по менеджменту и современной экономической теории.

Дело в том, что в силу практически полной оторванности советской экономической науки от мировой экономической теории и отсутствия у западных теоретиков интереса к разработкам советских экономистов, которых они считали исключительно марксистами, в принципе не способными внести какой-либо вклад в развитие экономической теории (а также, разумеется, по языковым причинам), понятие СЭГ получило известность и признание исключительно среди исследователей «социалистического лагеря». С исчезновением последнего и возникновением возможности (и суровой необходимости) освоения всего того, что было сделано за десятилетия западными экономистами, отечественные экономисты (и, главное, преподаватели экономических дисциплин) практически полностью перестали использовать теоретические наработки, созданные в советский период (за исключением, разумеется, тех из них, которые продолжают следовать марксистской традиции). Таким образом, теоретические результаты, полученные в советский период в рамках экономической кибернетики, включая понятие СЭГ, в значительной мере вышли из научного оборота в современной России. Важным исключением являются исследования Г. Б. Клейнера, активно развивающего концепцию СЭГ (см., напр.: [Клейнер, 1997; 2005; 2008] и др.), и ряда других ученых, применяющих ее в своих разработках [Софронова, 2005; Левкин, 2009; Дегтярева, 2010; Протасеня, 2011]. Одновременно понятие СЭГ зачастую «переоткрывается», хотя и без упоминания его автора (см. работы Е. М. Мартишина, Ю. А. Помпеева, Н. В. Хмельковой и др.).

В этой связи представляется важным наглядно продемонстрировать, что понятие

СЭГ по своим аналитическим возможностям не только вполне релевантно тем понятиям, которые были введены в западной науке в 1960–1980 гг., но и в определенных отношениях является более глубоким и продвинутым (что, конечно, не лишает его и некоторой проблемности, как, впрочем, и многие другие понятия экономической науки).

Из числа широко применяемых в современной экономической и управленческой теории и функционально схожих с понятием СЭГ выделяются два понятия: «рутина» (routine) и «зависимость от предшествующего развития» (path-dependence). Кроме того, в рамках концепции СЭГ важное место занимает такая проблематика, также широко обсуждаемая в современной литературе, как эволюционные экономические теории и организационное обучение.

2. Рутин и СЭГ

Понятие рутины относится к числу наиболее часто используемых в исследованиях менеджмента и особенно стратегического менеджмента¹: через него многие определяют такие важные понятия, как организационные компетенции, способности и динамические способности, да и изучение самих рутин давно привлекает ученых.

В качестве научного термина, характеризующего функционирование таких социально-экономических систем, как различные *организации* (прежде всего фирмы), термин «рутина» был использован в статье С. Уинтера в 1964 г. [Winter, 1964], однако широкую известность и упомянутую массовую применимость приобрел только после выхода в свет знаменитой монографии Р. Нельсона и С. Уинтера «*Эволюционная теория экономических изменений*» [Nelson, Winter, 1982].

В главах 3–5 этой книги содержались множественные и одновременно нечеткие

¹ По ключевым словам “strategic management” × “routine” поисковик Google выдает около 350 тыс. ссылок.

характеристики рутин, включавшие в их состав как «простые» регулярности в поведении нескольких взаимодействующих работников, так и достаточно четко прописанные правила действий, реализующих ту или иную технологию. В ней же была введена и *метафора* рутин как организационных *генов*, «ответственных» за воспроизводство фирм.²

Именно метафора «рутины как гены» и является тем очевидным основанием, на котором могут быть сравнены и сопоставлены понятия рутины и СЭГ. Однако прежде чем приступить к такому сопоставлению, необходимо проследить динамику развития содержания понятия рутины.

Несмотря на почти тридцатилетний период интенсивной работы с понятием «рутина», единого, четко сформулированного и общепризнанного его определения так и не возникло. По мнению некоторых авторов, одна из основных причин этого — отсутствие анализа *механизмов формирования* рутин: «Ни Нельсон и Уинтер, ни их последователи не предложили, насколько нам известно, строгого анализа того, почему и как действия, предпринимаемые разными индивидами в организациях, сцепляются в упорядоченную и повторяющуюся (воспроизводящуюся) последовательность (работник А делает X после того, как работник В сделал Y, и т. д.), т. е. рутину. Можно предположить, что причиной нашего неполного понимания рутин служит отсутствие ясной отправной точки в виде действий и взаимодействий индивидов. В особенности это необходимо для изучения действий, которые может предпринимать индивид (например, рутинные действия и нерутинные действия), и выгод, связанных с этими действиями, прежде чем станет возможным оценить, будут ли индивидуально предпринятые действия конституировать рутину» [Abell, Felin, Foss, 2008, p. 493].

² Строго говоря, в этой книге к рутинам были отнесены также и *индивидуальные навыки* (skills) работников [Nelson, Winter, 1982, p. 97], хотя в более поздних работах авторы четко их разграничили (см., напр.: [Dosi, Nelson, Winter, 2000]).

Отмеченная неясность обуславливает и неоднозначность содержания понятия рутины, т. е. невозможность четко определить, какие именно организационные (и межорганизационные [Zollo, Reuer, Singh, 2002]) феномены — действия, формы поведения, знания, убеждения и т. п. — имеют отношение к рутинам (являются рутинами), а какие — нет.

Как показал анализ большого числа публикаций, проведенный М. Беккером [Becker, 2004; 2005a; 2005b], понятие организационной рутины трактуется одним из трех основных способов. Во-первых, под рутинами понимаются любые *поведенческие регулярности*, которые демонстрируют *несколько* индивидов: «Сейчас становится общей практикой использовать термин „рутина“ для коллективных (многообъектных), а термин „привычка“ — для индивидуальных (однообъектных) поведенческих программ» [Becker, 2005a, p. 818]. Эта трактовка представлена в целом ряде работ (см., напр.: [Gersick, Hackman, 1990; Cohen et al., 1996]).

Во-вторых, рутины рассматриваются как *правила*, стандартные операционные процедуры и т. п. (см., напр.: [Cyert, March, 1963; Cohen, 1991] и др.). Например, М. Фелдман и Б. Пентланд отмечают: «...организационные рутины могут быть определены как повторяющиеся, *осознаваемые* (курсив мой. — В. Т.) программы взаимозависимых действий, выполняемые многими акторами» [Feldman, Pentland, 2003, p. 96]. Поскольку правила сами по себе являются *не действиями*, а знаковыми нормативными *моделями* последних, авторы [Feldman, Pentland, 2003] предложили разграничивать два «слоя» рутин: остенсивный («прямой», ostensive), означающий ее абстрактное, «повествовательное» описание, и перформативный («рабочий», performative), заключающийся в реальных действиях конкретных индивидов в специфических обстоятельствах места и времени.³

³ Предложенные термины представляются не вполне удачными, хотя само по себе разграниче-

По мнению М. Беккера и Ф. Зирполи, разделение остенсивного и перформативного аспектов рутин интегрирует их поведенческое понимание, с одной стороны, и трактовку их как правил, с другой стороны, что, безусловно, продвигает в исследовании этого феномена [Becker, Zirpoli, 2008].

Однако двойственность понятия рутины признается не всеми исследователями, и третий из выделяемых М. Беккером подходов как раз и демонстрирует такое непризнание.

В-третьих, сравнительно недавно появился подход Дж. Ходжсона, согласно которому рутины суть *установки* (dispositions) к действию (или мыслительному акту), а не сами действия (поведенческие или мыслительные акты) [Hodgson, 2003; 2008]. Основанием для такого понимания служит идея, что «рутины подобны генам в том смысле, что они являются порождающими структурами и потенциалами, которые подобны правилам. Однако рутины (как и гены) не могут быть как порождающими структурами, так и результатами таких структур» [Hodgson, 2008, p. 19].

Характеризуя упомянутое выше разграничение рутин на знаковый и поведенческий «слой», Ходжсон отмечает, что рутины не могут быть одновременно и тем и другим, и заключает: «Рутины не есть поведение; они суть сохраняемые поведенческие возможности или способности. Рассмотрим фирму, в которой все работники и менеджеры работают с 9 утра до 5 вечера. В течение рабочего дня активизировано некоторое число организацион-

ние *правила* как знаковой конструкции и *функционирующего правила* как совокупности действий индивидов, осуществляемых в соответствии с этой знаковой конструкцией, безусловно, важно для понимания природы поведения, регулируемого теми или иными правилами. Более удачной является терминология С. Уинтера, который разделяет «рутины в действии в определенном месте... [которые суть] совокупность координирующих отношений, связывающих специфические ресурсы» и «рутины *per se* — абстрактные программы деятельности» [Winter, 1995].

ных рутин. В остальное время фирма не активна. Но рутины не исчезают в 5 вечера, чтобы мистически возникнуть на следующий день. Рутины-как-возможности остаются до тех пор, пока у индивидов есть возможность и установка снова работать вместе в том же самом контексте. При этих условиях рутины могут быть запущены на следующий день соответствующими стимулами» [Hodgson, 2008, p. 19].

Безусловно, приведенные критические замечания во многом справедливы и фиксируют сложности, возникающие с определением понятия рутины, однако предлагаемое Ходжсоном решение также не кажется полностью лишенным изъянов.

Прежде всего нельзя согласиться с тем, что рутины (и гены) не могут быть одновременно и порождающими структурами, и результатами функционирования таких структур. В действительности все обстоит как раз наоборот, и никакого противоречия при этом не возникает, если ввести в рассмотрение элемент времени, или динамики. Ведь геном организма и формирует его фенотип, и является — через сложную последовательность действий и трансформаций — результатом функционирования организма. Аналогично и совокупность рутин организации, влияя на ее поведение через сложную последовательность действий и трансформаций, оказывается через некоторое время результатом этих преобразований. Разница между геномом и совокупностью рутин заключается, однако, в том, что геном преобразуется с помощью сложных биохимических реакций, для «запуска» которых достаточно единичного действия организма как целого, после чего они начинают происходить автоматически, без участия этого организма. Совокупность же рутин сама по себе не изменяется, все изменения требуют действий индивидов, являющихся носителями знаний о том, как действовать в той или иной ситуации, и изменяющих привычный порядок действий под влиянием обучения.

Кроме того, диспозиционная трактовка рутин принижает роль *знаний* индивидов

о конкретном порядке и способах их действий. Между тем рутины — это прежде всего именно такие знания, хотя они одновременно предполагают наличие и *готовности* (установки) к действию, и *стимулов* к «правильному» действию.

Если теперь взглянуть на вкратце очерченную выше тематику рутин с позиций СЭГ, становится очевидным, что последний можно трактовать и в терминах рутин. Важно подчеркнуть при этом, что СЭГ — это не просто совокупность рутин, это система, включающая в себя и иные компоненты, отличные от рутин. Как представляется, обсуждавшиеся выше трудности с операционализацией метафоры «рутины как гены» как раз и связаны с тем, что генотип организаций (и других социально-экономических систем) *включает* в себя рутины, но *не исключается* их совокупностью.

Иными словами, метафора, введенная Нельсоном и Уинтером, является не более чем метафорой, ее нельзя интерпретировать как строгую модель. В отличие от нее СЭГ представляет собой строгое научное понятие, а не метафору и предлагает модель реальных процессов воспроизводства устойчивых черт различных социально-экономических систем.

3. Феномен зависимости от предшествующего развития в свете концепции СЭГ

Одной из функций СЭГ в социально-экономических системах является обеспечение преемственности их развития, воспроизводство устойчивых черт при одновременном отборе, фиксации и создании возможностей осуществления тех новшеств, которые оцениваются как позитивные для этого развития. Другими словами, СЭГ, фиксируя часть прошлых изменений (накопленного опыта), очерчивает и некоторые границы для изменений будущих. Именно такая «выборочная» зависимость будущего от прошлого получила в настоящее время наименование зависимости от предшествующего развития.

Понятие *зависимости от предшествующего развития* (path dependence) было первоначально введено в работах П. Дэвида [David, 1985] и Б. Артура [Arthur, 1988; 1989] для характеристики особенностей изменений в производственных технологиях. Оно означало ситуации, в которых продолжение применения не самых эффективных технологий обуславливалось влиянием случайного выбора на начальном этапе их использования и закреплялось вследствие эффекта возрастающей отдачи, что в целом порождало феномен блокировки (lock-in) альтернативных путей технологического развития.

Практика последующего использования этого понятия показала, что с его помощью начали анализировать различные феномены не только технологической природы. Как отмечают С. Лейбовиц и С. Марголис, «в наиболее общем виде, зависимость от предшествующего развития означает, что то, куда мы идем, зависит не только от того, где мы находимся сейчас, но также и от того, где мы были раньше» [Liebowitz, Margolis, 2000, p. 981]. Однако причины возникновения подобных ситуаций, особенно с учетом разнообразия предметных областей, в которых они возникают, однозначного понимания не получили.

В основополагающих работах Дэвида и Артура объяснения зависимости от предшествующего развития в технологическом развитии имели чисто экономический характер. Точнее, с их точки зрения, ситуации зависимости от предшествующего развития возникали там и тогда, где и когда:

- выбор наблюдаемой в действительности массовой технологии был непредсказуем;
- этот выбор практически невозможно изменить из-за величины издержек, которые нужно осуществить скоординированно и одновременно (или в течение короткого времени);
- широко распространенная технология с большой вероятностью неэффективна.

Возникновение таких ситуаций, в свою очередь, являлось результатом функциони-

рования двух механизмов: возрастающей отдачи от масштаба и воздействия малых случайных событий. Возрастающая отдача является при этом следствием взаимосвязанности технологии и совершенствующихся навыков работы с ней, возникающей в результате процесса обучения в ходе применения технологии (*learning by using*), а также результатом сетевых внешних эффектов и неперемещаемости инвестиций. Что касается механизма малых случайных событий, т. е. таких событий, которые не могли быть заранее предвидены обладающим ограниченным знанием сторонним наблюдателем, то он «ответственен» за то, какая именно из доступных технологий оказывается фактически выбранной, победившей в конкурентной борьбе с функционально схожими с ней (однако обычно отнюдь не по причине своей большей эффективности).

Таким образом, при таком подходе к зависимости от предшествующего развития причины того, что в конкретный момент времени в технологической структуре экономики некоторые из известных технических новшеств (в принципе *более эффективные*, чем реально использующиеся) тем не менее не применяются на практике, имеют двойкий характер. Во-первых, это ограниченная рациональность экономических агентов, принявших решение и начавших в массовом порядке осваивать не лучшую технологию, а во-вторых, чисто экономические факторы, обуславливающие нецелесообразность смены технологий из-за угрозы понести значительные издержки.

Однако в рамках неошумпетерианской традиции анализа технологических изменений возникновение зависимости от предшествующего развития объясняется несколько иначе. В соответствии с ней технологические изменения включают *творческое разрушение* (*creative destruction*) и *рекомбинацию* существующих знаний в новых формах. Тем самым технологические инновации осуществляются в рамках определенных кластеров, представляющих собой ограниченный круг вариантов технологий, которые могут быть сформированы из первоначального

знания с помощью когнитивных механизмов разрушения и рекомбинации. Развитие этих идей привело к появлению понятия технологической траектории как эволюционной последовательности обновляющихся технологий, не выходящих, однако, за пределы общего кластера, определяемого базовым набором знаний (открытий или изобретений) [Dosi, 1982]. Смена технологической траектории возможна в данной постановке только при появлении нового «ядра» кластера, т. е. принципиально отличных от имевшихся изобретений или открытий новых законов природы.

Итак, согласно приведенной трактовке зависимости от предшествующего развития, ее причина имеет чисто когнитивный характер: базовая инновация развивается и совершенствуется путем малых улучшений до тех пор, пока не возникнет новая базовая инновация. Экономические факторы, способные влиять на принятие или отвержение инноваций, имеют в рамках данной концепции «фоновый» характер как общие требования обеспечения максимальной (или приемлемой) экономической эффективности для любого инвестиционного решения.

Оба рассмотренных подхода к зависимости от предшествующего развития в сфере технологических изменений, будучи примененными к иным сферам, прежде всего к институциональным изменениям, приводят к различным оценкам возможности проведения существенных или резких смен институционального устройства социально-экономических систем.

В соответствии с *первой* из них никаких ограничений на содержание идеи нового института (или системы институтов), кроме ограничений творческих способностей индивидов, стремящихся к формированию институциональной среды, наилучшим образом отвечающей их интересам, не существует. Идея институционального изменения может при этом также заимствоваться или целенаправленно создаваться, т. е. проектироваться. Однако в массовую практику войдет лишь то институциональное

изменение, выгоды от которого превзойдут издержки переключения на следование новому правилу.

Заметим, что такое соотношение выгод и издержек может быть обеспечено самыми разными способами, в числе которых и качество самой идеи, и насильственная ликвидация организации, «сросшейся» со старым правилом. Очевидно, оно может быть обеспечено также и путем искусственного снижения эффективности использования старого правила, например за счет резкого роста величины санкций, налагаемых на индивидов, продолжающих ему следовать. Разумеется, при этом утрачивается ценность ранее созданного человеческого капитала, специфического по отношению к замещаемому правилу, однако суммарная ожидаемая выгода от использования нового правила с учетом дисконтирования, по предположению, вполне компенсирует такие потери.

В соответствии со *второй* трактовкой зависимости от предшествующего развития в рамках сложившейся институциональной среды не могут возникнуть идеи институциональных инноваций, не являющиеся рекомбинацией компонентов правил, составляющих эту среду. Целенаправленное проектирование нового правила оказывается при таком подходе принципиально ограниченными рамками разнообразия, формируемого полным перебором всех возможных сочетаний упомянутых компонентов. Соответственно, заимствованная идея, не укладывающаяся в эти рамки, отвергается не по причине неэффективности (неважно, социальной неэффективности или неэффективности для группы специальных интересов, проводящей перестройку институциональной среды), а в связи с несоответствием уже имеющимся правилам.

Иными словами, данная концепция фактически (в наиболее крайних своих проявлениях) отрицает возможности конвергенции экономических систем, изначально базировавшихся на несовпадающих институциональных структурах. При радикальной трактовке она вполне справедливо

привлекает внимание к системности и взаимодополняемости компонентов институциональной среды, требуя, например, от проектировщика нового правила учета тех предписаний, которые адресуют субъекту формируемого правила уже существующие нормы, которые не предполагается (или невозможно для данного проектировщика) пересмотреть.

Попытка комплексного объяснения феномена зависимости от предшествующего развития была предпринята недавно Д. Норттом с его коллегами [Mantzavinos, North, Shariq, 2004]. Логика их рассуждений такова: процесс социальных изменений описывается следующей последовательностью:

реальность → убеждения → институты →
→ политики → результаты (т. е. измененная реальность).

Поясняя данную логику, авторы пишут: «По завершении периода T_1 (т. е. после обучения посредством функционирования институтов и рынков, а также получения результатов) мозг интерпретирует реальность в периоде T_2 (т. е. интерпретирует результаты) на основе ментальных моделей, уже существующих в T_1 . Очевидно, это верно для любого индивида в обществе, поскольку коллективное (shared) обучение в T_2 должно базироваться на том, что уже имело место в T_1 . Иными словами, общие ментальные модели в T_2 формируются на основе общих ментальных моделей в T_1 . В случаях, когда содержание коллективного обучения остается тем же самым или сходным в течение большого числа периодов, ментальные модели становятся относительно негибкими и общая система убеждений — застывшей. Это, в свою очередь, становится источником *когнитивной зависимости от предшествующего развития* (cognitive path dependence), поскольку чем более негибки ментальные модели, тем труднее становится их модифицировать и пересматривать» [Mantzavinos, North, Shariq, 2004, p. 80–81].

Когнитивная зависимость от предшествующего развития, в свою очередь, ограничивает разнообразие способов решения социальных проблем. По мнению Д. Норта и его коллег, «можно говорить о „возрастающей отдаче от институциональной среды“, в том смысле что агенты, однажды освоив некоторый способ решения проблемы, неосознанно применяют его всякий раз, когда возникает схожая проблема. Такая институциональная зависимость от предшествующего развития (*institutional path dependence*) может структурировать экономическую игру стандартизированным образом в течение длительного времени и вынуждать общество играть эту игру вплоть до появления нежелательных последствий. До тех пор, пока институциональная среда и структура стимулов остается неизменной, будет поддерживаться и определенная направленность рыночных взаимодействий, а также поощряться определенный тип технологий. Следовательно, когнитивная и институциональная зависимости от предшествующего развития будут вести к *экономической зависимости от предшествующего развития (economic path dependence)*» [Mantzavinos, North, Shariq, 2004, p. 81].

Сравнивая предложенную Д. Нортом и его коллегами логику формирования и действия зависимости от предшествующего развития с логикой функционирования СЭГ, следует отметить как их общее совпадение, так и значительно более глубокую проработку в концепции СЭГ вопросов формирования *устойчивых* правил (рутин, нормативных документов и т. п.).

4. Организационное обучение

Обучение, т. е. запоминание как положительного, так и отрицательного опыта, трансформация его в эвристики, правила принятия решения, неформальные нормы и формальные правила, как следует из содержания понятия СЭГ, выступает органическим компонентом его функционирования. В этом плане совершенно естественным выглядит экономико-кибернетическое

представление о социально-экономических системах как о системах самообучающихся. СЭГ организации (от фирмы до общества в целом), материализованный как в индивидах, так и в различных «внешних» артефактах, выступает не чем иным, как функциональной системой, координирующей процессы индивидуального обучения членов этой организации. При этом чем динамичнее и неопределеннее условия, в которых функционирует организация, тем более значимы процессы обучения для ее выживания. Это непосредственно вытекает из определения понятия СЭГ, введенного в первых публикациях Е. З. Майминаса по данной тематике середины 1960-х гг.

Однако в условиях плановой экономики и «идеологического детерминизма» (о какой неопределенности можно вести речь, если законы исторического материализма ясно говорят о неизбежности победы коммунизма?) его идеи упали на совершенно неплодородную почву и дальнейшего развития в нашей стране не получили. Идея самообучения организаций была фактически переоткрыта (разумеется, по отмеченным выше причинам, независимо от исследований СЭГ) спустя десятилетия в США.

Концепция «самообучающейся организации» (*learning organization*), по общему признанию (см., напр.: [Hall, 2005]), была сформирована в конце 1980-х гг. П. Сенге и получила широкое распространение после публикации его книги «*Пятая дисциплина*» в 1990 г. [Senge, 1990; Сенге, 1999]. Самообучающимися он предлагал называть те фирмы, которые основывают свои конкурентные преимущества на непрерывном обучении, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. С точки зрения Сенге, пять дисциплин (или скорее практик), на которых базируются эти преимущества, составляют: системное мышление, владение ситуацией (*personal mastery*), ментальные модели, общее (*shared*) видение и групповое (*team*) обучение. Для освоения этих практик работники организации должны отказаться от старых способов мыслить (ментальных моделей), научиться быть открытыми для

других (владение ситуацией), понимать, как реально работает их фирма (системное мышление), формировать планы, с которыми согласны все (общее видение), а затем совместно работать для осуществления этого видения (групповое обучение). Хотя все названные практики (и соответствующие им понятия) были известны и обсуждались ранее, заслугой Сенге явилось их совместное рассмотрение и синтез в концепцию самообучающейся организации.

К «отцам-основателям» данной концепции наряду с П. Сенге относят также К. Арджириса. Заслугой Арджириса, как принято считать, является разграничение понятий одноконтурного и двухконтурного обучения [Argyris, 1977]. Первое из них обозначает рутинное обучение, лишь уточняющее детали сложившегося образа действий индивида или их совокупности (организации), в то время как второе — обучение, проблематизирующее *status quo* и ведущее к его изменению. Как правило, феномен двухконтурного обучения связан с решением сложных проблем, с которыми сталкиваются организации, для которых отсутствуют рутинные пути их преодоления.

При сопоставлении базовых идей концепции самообучающейся организации и СЭГ становится очевидным, что последняя гораздо богаче по своему содержанию, поскольку охватывает не только собственно процесс обучения индивидов и их групп, но также и различные механизмы *закрепления* полученных знаний и их *трансформации в действия*, адекватные изменяющейся ситуации. Иными словами, если бы концепция СЭГ с момента своего возникновения вошла в научный оборот за пределами «социалистического лагеря», то концепция самообучающейся организации получила бы свое глубокое теоретическое основание гораздо раньше, что помогло бы менеджменту встретить реалии формирующегося информационного общества на более надежном фундаменте.

Итак, сопоставление концепции СЭГ с тремя концепциями, зародившимися ли-

бо примерно одновременно с ней, либо несколько позже, но в любом случае независимо от нее, — рутин, зависимости от предшествующего развития и организационного обучения⁴, — дает основания утверждать, что во всех случаях СЭГ оказывается более общим и аналитичным понятием, чем названные, несмотря на их широкое использование в современной экономической теории. Кроме того, концепция СЭГ фактически *предвосхитила* многие идеи целого направления в рамках последней, *эволюционной экономической теории*, весьма интенсивно развивающейся в последние три десятилетия.

Вместе с тем концепция СЭГ, равно как и весь эволюционный подход, сталкивается с определенными методологическими трудностями, анализу которых посвящается следующий раздел статьи.

5. Характер социально-экономической эволюции в концепции СЭГ

Одна из сложностей применения принципов эволюции в социальной сфере связана с тем, что в биологическом мире *эволюционирует* не отдельно взятый организм — организмы появляются, развиваются, стареют и завершают свой жизненный путь, — эволюционирует вид, состоящий из различных отдельных организмов, находящихся на разных этапах своего индивидуального развития. При этом появление каждого нового организма как потомка другого (или других) обычно можно четко идентифицировать, так что изучение признаков «родителей» и «потомков» с целью выявления эволюционных трендов не сталкивается с принципиальными трудностями. Например, как известно, базовые закономерности генетики были эмпирически выявлены при анализе ряда поколений дро-

⁴ Ограниченные рамки статьи не позволяют рассмотреть в ней некоторые другие параллели СЭГ с понятийным аппаратом и инструментарием, используемым в экономической теории и менеджменте, например с менеджментом знаний и др.

зофил, поколения которых сменяют друг друга достаточно быстро.

Однако в отличие от биологических социальных систем — от отдельных организаций до обществ — в принципе могут считаться бессмертными, поскольку у них обычно нет биологически (или как-либо иначе) заданного периода индивидуального жизненного цикла. Так, наряду с фирмами-однодневками успешно существуют фирмы, основанные, скажем, в XIX в. или даже ранее.

Следующее отличие — это отсутствие у социальных систем феномена *производства «потомков»*. Разумеется, одна или несколько фирм могут учредить другую фирму, но ничего похожего на биологическое наследование признаков в этом «воспроизводстве» нет. В результате взаимодействия культур может возникнуть новая культура, но считать ее «потомком» «родителей» в том же биологическом смысле, что и для организмов, можно только метафорически.

Поэтому, говоря об эволюции в сфере социальных (и социально-экономических) систем, следует иметь в виду либо аналогии видов — например, популяции фирм в отрасли, — либо серию фиксированных в последовательные моменты времени состояний одной и той же системы, рассматривая эти состояния как ряд «потомков» одного «родителя». В обоих случаях, однако, специфический смысл приобретает понятие *репликации*, или *воспроизводства* (наследования), без которого невозможно теоретически описать эволюционный процесс в биосистемах; свой, но тоже специфический смысл приобретает и другая базовая категория эволюции — *селекция*, или *отбор*.

Так, в литературе, посвященной исследованию понятия рутины, обсуждается проблема их репликации. В частности, авторы [Hodgson, Knudsen, 2004] показывают, что предлагаемое ими понимание репликации рутин как воспроизведения соответствующих форм поведения и стоящих за ними диспозиций, привычек, ментальных моделей и т. п. людьми, отличными от тех, которые так вели себя ранее, вполне соответству-

ет общим определениям репликации, приведенным в [Godfrey-Smith, 2000; Aunger, 2002; Sperber, 2000]. Формально-логически такое соответствие, безусловно, есть, однако совершенно ясно, что понятие репликации в применении к рутинам имеет чисто *метафорический* характер. Не рутины как некие *субъекты* действий воспроизводят себя, а *люди* заимствуют и используют формы поведения и способы мысли, хорошо показавшие себя. Иными словами, понятие «репликации рутин» противоречит принципу методологического индивидуализма, согласно которому единственным субъектом действий, обладателем целей и интересов является *человек*, индивид [Udehn, 2001]. Разумеется, такого рода метафоры встречались в анализе эволюционных процессов и ранее⁵, однако суть от этого не меняется: метафора — удобное, подчас необходимое средство в *процессе* научного исследования, но она не может быть его *результатом*, поскольку не несет *научного* знания.

Видимо, осознавая отмеченную проблему, в той же статье Д. Ходжсон и Т. Кнудсен выражаются более точно: «Привычки реплицируются, когда мы повторяем поведение других» [Hodgson, Knudsen, 2004, p. 288]. При этом они используют более адекватный термин для воспроизведения рутин: «В исследованиях диффузии технологий, организационном анализе и в работах по стратегическому менеджменту имеются некоторые обсуждения *диффузии* (курсив мой. — В. Т.) или репликации рутин. Значимыми механизмами репликации рутин выступают перемещения работников из организации в организацию либо независимые эксперты или консультанты, которые помогают передавать знания и опыт, успешные в одних контекстах, в другие» [Hodgson, Knudsen, 2004, p. 291].

Очевидно, во всех подобных случаях было бы более точным (и не дезориентирующим)

⁵ Например, в известной книге [Dawkins, 1976] Р. Докинз образно рассматривает человека как устройство для воспроизводства эгоистичных генов.

говорить о *заимствовании*, *переносе* или *передаче* рутин, а не об их репликации, как если бы они были самовоспроизводящимися субъектами.

Схожие трудности можно отметить и в связи с использованием понятия «отбор» в отношении рутин. Применительно к преимущественно биологическим процессам Д. Халл с соавторами определяют отбор как «повторяющиеся циклы репликации, вариации и взаимодействия с внешней средой. Эти три процесса должны быть так структурированы, чтобы взаимодействия с внешней средой причинно обуславливали различия в репликации» [Hull, Langman, Glenn, 2001, p. 526–527]. Основываясь на этом общем определении, Д. Ходжсон и Т. Кнудсен вводят свое понимание отбора: «Отбор включает начальное множество объектов, взаимодействующих с внешней средой, которое трансформируется в последующее множество, все элементы которого существенно схожи с некоторыми элементами начального, и в котором частота встречаемости элементов зависит от свойств объектов начального множества, оцененных контекстом их внешней среды. Внешняя среда любого объекта может в принципе включать другие существующие объекты» [Hodgson, Knudsen, 2004, p. 293].

Эту интуитивно достаточно ясную конструкцию авторы прилагают далее к характеристике отбора привычек и рутин [Hodgson, Knudsen, 2004, p. 293–295]. Однако, как было показано ранее, ключевое для понимания отбора понятие репликации, релевантное биологическим объектам, в приложении к рутинам (и привычкам) перестает быть таковым. Поскольку же именно на репликации — переходе от начального множества к последующему — строится понятие отбора, применимость к рутинам последнего становится сомнительной.

В какой мере отмеченные проблемы эволюционного «прочтения» экономической и организационной динамики относятся к концепции СЭГ? Поскольку в его определении явно упоминаются процессы *воспроизводства структуры* социально-экономических

систем, то вопрос о том, что представляют собой «потомки» этих систем, значим также и для нее. Как показывает анализ публикаций Е. З. Майминаса, он давал на него следующий ответ: «потомок» социально-экономической системы — это она сама, только через определенный период времени, например через цикл хозяйственного оборота, в течение которого происходят изменения в объемах и качестве используемых ресурсов, технологий, составе и масштабах производимых и потребляемых продуктов и т. п., однако сохраняются базовые правила, рутины, социальные нормы и другие компоненты СЭГ, обеспечивая осуществление следующего цикла хозяйственного оборота [Майминас, 1967, с. 87–90].

Вместе с тем под *отбором* в рамках концепции СЭГ понимался не отбор самих социально-экономических систем, а отбор *знаний, позитивного опыта*, который мог бы использоваться в последующих циклах хозяйственного оборота. Иными словами, отбор в рамках СЭГ — это не дарвиновский естественный отбор, а *сознательное и неосознаваемое запоминание* вновь найденных или получаемых знаний об элементах и процессах, происходящих в социально-экономической системе. Поэтому в концепции СЭГ те методологические проблемы, с которыми сталкиваются Д. Ходжсон и Т. Кнудсен в их интерпретации отбора рутин, строго говоря, не возникают.

6. Возможные направления развития концепции СЭГ

Означают ли сделанные нами ранее выводы относительно концепции СЭГ, что она вообще не сталкивается с какими-либо трудностями? С нашей точки зрения, нет. Основная трудность связана с понятием *положительного* опыта, закрепляемого в нормах, правилах и установках, составляющих существо СЭГ.

Дело в том, что оценка того или иного опыта как положительного или как отрицательного очевидным образом зависит от того, к каким именно индивидам (или группам

индивидов) он относится. Разумеется, если закрепляемый опыт связан с некоторым Парето-улучшением, то он положителен для всех членов социально-экономической системы, однако такие феномены встречаются нечасто, типичными же являются результаты функционирования системы, имеющие перераспределительный характер, т. е. приносящие выгоды одним субъектам за счет издержек, которые несут другие субъекты. Поскольку практически все социально-экономические системы включают также значимые элементы иерархии (неравномерности в доступе к ресурсам), упомянутые перераспределительные «события» приносят обычно выгоды тем, кто стоит во главе иерархий, и издержки тем, кто ее замыкает «снизу». Поэтому вопрос о том, *какой именно положительный опыт фиксируется в СЭГ, остается в нынешней его концепции открытым.*

Анализ работ Е. З. Майминаса, посвященных проблематике СЭГ, дает основания считать, что под положительным опытом он имел в виду тот, который был положителен *для системы в целом.* Такой подход, безусловно, имеет право на существование, более того, он широко распространен в современной экономической теории, однако не менее важным представляется также и соединение концепции СЭГ с принципом методологического индивидуализма, о котором речь шла выше. Ведь подход с позиций блага для системы в целом применим прежде всего для оценки опыта с точки зрения «внешнего наблюдателя», в то время как для более полного понимания функционирования самого СЭГ следовало бы разделять позиции тех индивидов, которые непосредственной принимают решения и действуют *внутри* СЭГ.

Подобное соединение можно осуществить, например, следующим образом. Закрепление опыта, оцениваемого разными субъектами как положительного *для них,* а не для системы в целом, может происходить в СЭГ двумя механизмами, которые условно можно назвать *централизованным и децентрализованным.* Цен-

трализованный механизм закрепляет опыт, позитивный для «центра», т. е. лидеров иерархии (неважно, являются они демократически избранными или занявшими эти позиции иными способами), в то время как децентрализованный механизм закрепляет опыт, позитивный для *отдельных агентов.* В первом случае закрепление опыта осуществляется через принятие норм и правил, относящихся к системе в целом (например, законов), во втором — через спонтанное формирование неформальных норм, следование которым выгодно частным агентам, а также индивидуальных привычек. При этом, разумеется, между принимаемыми формальными нормами, полезными для лидеров иерархий, и неформальными правилами, полезными для агентов, вполне могут возникать противоречия: соответствующие нормы могут предписывать *взаимоисключающие* действия. То, какие именно нормы будут в конечном счете выполняться (и, соответственно, преобладать в СЭГ), на наш взгляд, будет определяться результатом функционирования такого механизма, как рынок для институтов, или *институциональный рынок* [Тамбовцев, 2001].

Предложенное уточнение понятия «положительный опыт», основанное на том, что запоминание внутри СЭГ происходит не автоматически, а осуществляется *индивидами,* преследующими разные цели и имеющими различные интересы, которые, в свою очередь, в определенной степени зависят от результатов их предшествующих действий⁶, позволяет привлечь внимание к связи между функционированием СЭГ и социальной структурой общества, т. е. к относительным неравенствам между отдельными группами в доступе к различным ресурсам. Дальнейшие исследования по данной проблематике, как представляется, позволят углубить понимание как самого устройства СЭГ, так и того, в каком направлении будет развиваться социально-экономическая система, имеющая тот или иной СЭГ.

⁶ См. положения Д. Норта и его коллег, изложенные в разделе 3 этой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Вилкас Э. Й., Майминас Е. З. 1981. *Решения: теория, информация, моделирование*. М.: Радио и связь.
- Дегтярева С. В. 2010. Методологические основания исследования институциональной структуры национальной экономики. В сб.: *Формування ринкової економіки: зб. наук. праць. Спец. вип. Проблеми сучасної економіки та інституціональна теорія*. М-во освіти і науки України, ДВНЗ «Київський нац. екон. ун-т ім. В. Гетьмана»; відп. ред. О. О. Беляев. К.: КНЕУ; 100–110.
- Клейнер Г. Б. 1997. Реформирование предприятий: возможности и перспективы. *Общественные науки и современность* (3): 15–29.
- Клейнер Г. Б. 2005. Системно-интеграционная теория предприятия. *Montenegrin Journal of Economics* 1 (2): 21–40.
- Клейнер Г. Б. 2008. *Стратегия предприятия*. М.: Дело.
- Левкин Н. В. 2009. *Современные тенденции управления культурой в системе предпринимательства*. Петрозаводск: Изд-во ПетерГУ.
- Майминас Е. З. 1965. Некоторые экономико-кибернетические аспекты и проблемы оптимального планирования. В сб.: *Материалы международного научного семинара по вопросам оптимизации и межотраслевого баланса*. 5–10 апреля 1965 г. Берлин: Эконом.-исслед. институт при ГПК ГДР. Ротапринт.
- Майминас Е. З. 1966. К анализу экономической системы. *Экономика и математические методы* 2 (2): 171–185.
- Майминас Е. З. 1967. *Процессы планирования в экономике: информационный аспект*. Вильнюс: Минтис (2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 1971).
- Майминас Е. З. 1976. Управление хозяйственным механизмом и экономическая кибернетика. *Экономика и математические методы* 12 (4): 661–680.
- Майминас Е. З. 1989. Социально-экономический генотип общества. В сб.: *Постижение*. М.: Прогресс; 93–113.
- Майминас Е. 1996. Российский социально-экономический генотип. *Вопросы экономики* (9): 130–141.
- Протасеня В. С. 2011. Адаптация хозяйствующих субъектов в эволюционной экономике: место и роль маркетинга. В сб.: *Социальные факторы инновационного развития экономики*. Государственный институт управления и социальных технологий БГУ. Минск; 95–100.
- Сенге П. 1999. *Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации*. Пер. с англ. М: ЗАО «Олимп-Бизнес».
- Софронова О. Б. 2005. Адаптация зарубежных технологий управления в российских компаниях. *Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия Менеджмент* (2): 57–72.
- Тамбовцев В. Л. 2001. Институциональный рынок как механизм институциональных изменений. *Общественные науки и современность* (5): 25–38.
- Abell P., Felin T., Foss N. J. 2008. Building micro-foundations for the routines, capabilities, and performance links. *Managerial and Decision Economics* 29 (6): 489–502.
- Argyris C. 1977. Double-loop learning in organizations. *Harvard Business Review* 55 (5): 115–125.
- Arthur W. B. 1988. Self-reinforcing mechanisms in economics. In: Arrow K. J., Anderson P. (eds.). *The Economy As an Evolving Complex System*. Santa Fe Institute Studies in the Science of Complexity. Addison-Wesley: Redwood City, CA.
- Arthur W. B. 1989. Competing technologies, increasing returns and lock-in by historical events. *Economic Journal* 99: 116–131.
- Aunger R. 2002. *The Electric Meme: A New Theory of How We Think*. Free Press: N. Y.
- Becker M. 2004. Organizational routines: A review of the literature. *Industrial and Corporate Change* 13 (4): 643–677.
- Becker M. C. 2005a. A framework for applying organizational routines in empirical research: Linking antecedents, characteristics and performance outcomes of recurrent interaction patterns. *Industrial and Corporate Change* 14 (5): 817–846.
- Becker M. C. 2005b. The concept of routines: Some clarifications. *Cambridge Journal of Economics* 29 (2): 249–262.

- Becker M.C., Zirpoli F. 2008. Applying organizational routines in analyzing the behavior of organizations. *Journal of Economic Behavior and Organization* 66 (1): 128–148.
- Cohen M.D. 1991. Individual learning and organizational routine: Emerging connections. *Organization Science* 2 (1): 135–139.
- Cohen M.D., Burkhart R., Dosi G., Egidi M., Marengo L., Warglien M. 1996. Routines and other recurring action patterns of organizations: Contemporary research issues. *Industrial and Corporate Change* 5 (3): 653–698.
- Cyert R.M., March J.G. 1963. *A Behavioral Theory of the Firm*. Prentice-Hall: Englewood Cliffs, NJ.
- David P. 1985. Clio and the economics of QWERTY. *American Economic Review* 75 (2): 332–337.
- Dawkins R. 1976. *The Selfish Gene*. Oxford University Press: Oxford.
- Dosi G. 1982. Technological paradigms and technological trajectories. *Research Policy* 11 (3): 147–162.
- Dosi G., Nelson R., Winter S. 2000. Introduction. In: Dosi G., Nelson R., Winter S. (eds.). *The Nature and Dynamics of Organizational Capabilities*. Oxford University Press: N. Y.; 3–22.
- Feldman M.S., Pentland B.T. 2003. Reconceptualizing organizational routines as a source of flexibility and change. *Administrative Science Quarterly* 48 (1): 94–118.
- Gersick C.J., Hackman J.R. 1990. Habitual routines in task-performing groups. *Organizational Behaviour and Human Decision Processes* 47 (1): 65–97.
- Godfrey-Smith P. 2000. The replicator in retrospect. *Biology and Philosophy* 15 (3): 403–423.
- Hall W.P. 2005. Biological nature of knowledge in the learning organization. *Learning Organization* 12 (2): 169–188.
- Hodgson G.M. 2003. The mystery of the routine: The Darwinian destiny of ‘An Evolutionary Theory of Economic Change’. *Revue Economique* 54 (2): 355–384.
- Hodgson G.M. 2008. The concept of a routine. In: Becker M.C. (ed.). *Handbook of Organizational Routines*. Edward Elgar: Cheltenham; 15–28.
- Hodgson G.M., Knudsen T. 2004. The firm as an interactor: Firms as vehicles for habits and routines. *Journal of Evolutionary Economics* 14 (3): 281–307.
- Hull D.L., Langman R.E., Glenn S.S. 2001. A general account of selection: Biology, immunology and behavior. *Behavioral and Brain Sciences* 24 (3): 511–528.
- Liebowitz S., Margolis S. 2000. *Encyclopedia of Law and Economics*. Edward Elgar: Cheltenham.
- Maiminas J. 1965. Einige ökonomisch-kybernetische Aspekte und Probleme der optimalen Planung. In: *Das Internationale Wissenschaftliche Seminar*. Berlin, 5–10 April.
- Maiminas J. 1967. Einige ökonomisch-kybernetische Aspekte und Probleme der optimalen Planung. In: *Ökonomische Modell, Planung und Leitung der Volkswirtschaft*. Verlag die Wirtschaft: Berlin. H. 11; 39–92.
- Mantzavinos C., North D.C., Shariq S. 2004. Learning, institutions, and economic performance. *Perspectives on Politics* 2 (1): 75–84.
- Nelson R.R., Winter S.G. 1982. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Senge P. 1990. *The Fifth Discipline. The Art and Practice of the Learning Organization*. Doubleday: N. Y.
- Sperber D. 2000. An objection to the memetic approach to culture. In: Aunger R. (ed.) *Darwinizing Culture: The Status of Memetics as a Science*. Oxford University Press: Oxford and N. Y.; 162–173.
- Udehn L. 2001. *Methodological Individualism*. Routledge: London.
- Winter S.G. 1995. Four Rs of profitability: Rents, resources, routine-s, and replication. In: Montgomery C.A. (ed.). *Resource-Based and Evolutionary Theories of the Firm: Towards a Synthesis*. Kluwer: Boston; 147–178.
- Winter S.G. 1964. Economic “natural selection” and the theory of the firm. *Yale Economic Essays* 4 (1): 225–272.
- Zollo M., Reuer J.J., Singh H. 2002. Interorganizational routines and performance in strategic alliances. *Organization Science* 13 (6): 701–713.

Латинская транслитерация литературы, набранной на кириллице
The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

- Vilkas Eh. J., Maiminas E. Z. 1981. *Resheniya: teoriya, informatsiya, modelirovanie*. M.: Radio i svyaz'.
- Degtyareva S. V. 2010. Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya institutsional'noj struktury natsional'noj ekonomiki. V sb.: *Formuvannya rinkovoï ekonomiki: zb. nauk. prats' – Spets. vip. Problemi suchasnoï ekonomiki ta institutsional'na teoriya*. M-vo osviti i nauki Ukraïni, DVNZ «Kiiivs'kij nats. ekon. un-t im. V. Get'mana»; vidp. red. O. O. Belyaev. K.: KNEU: 100–110.
- Kleiner G. B. 1997. Reformirovanie predpriyatij: vozmozhnosti i perspektivy. *Obshestvennye nauki i sovremennost'* (3): 15–29.
- Kleiner G. B. 2005. Sistemno-integratsionnaya teoriya predpriyatiya. *Montenegrin Journal of Economics* 1 (2): 21–40.
- Kleiner G. B. 2008. *Strategiya predpriyatiya*. M.: Delo.
- Levkin N. V. 2009. *Sovremennye tendentsii upravleniya kul'turoj v sisteme predprinimatel'stva*. Petrozavodsk: Izd-vo PeterGU.
- Maiminas E. Z. 1965. Nekotorye ekonomiko-kiberneticheskie aspekty i problemy optimal'nogo planirovaniya. V sb.: *Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara po voprosam optimizatsii i mezhotraslevogo balansa*. Berlin, 5–10 aprelya 1965 g. Berlin: Ekonom.-issled. institut pri GPK GDR. Rotaprint.
- Maiminas E. Z. 1966. K analizu ekonomicheskoy sistemy. *Ekonomika i matematicheskie metody* 2 (2): 171–185.
- Maiminas E. Z. 1967. *Protsessy planirovaniya v ekonomike: informatsionnyj aspekt*. Vil'nyus: Mintis (2-e izd., pererab. i dop. M.: Ekonomika, 1971).
- Maiminas E. Z. 1976. Upravlenie khozyajstvennym mekhanizmom i ekonomicheskaya kibernetika. *Ekonomika i matematicheskie metody* 12 (4): 661–680.
- Maiminas E. Z. 1989. Sotsial'no-ekonomicheskij genotip obshchestva. V sb.: *Postizhenie*. M.: Progress; 93–113.
- Maiminas E. 1996. Rossijskij sotsial'no-ekonomicheskij genotip. *Voprosy ekonomiki* (9): 130–141.
- Protasenya V. S. 2011. Adaptatsiya khozyajstvuyushhikh sub»ektov v ehvolyutsionnoj ekonomike: mesto i rol' marketinga. V sb.: *Sotsial'nye faktory innovatsionnogo razvitiya ekonomiki. Gosudarstvennyj institut upravleniya i sotsial'nykh tekhnologij BGU*. Minsk; 95–100.
- Senge P. 1999. *Pyataya distsiplina: iskusstvo i praktika samoobuchayushhejsya organizatsii*. M: ZAO «Olimp-Biznes».
- Sofronova O. B. 2005. Adaptatsiya zarubezhnykh tekhnologij upravleniya v rossijskikh kompaniyakh. *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Seriya Menedzhment* (2): 57–72.
- Tambovtsev V. L. 2001. Institutsional'nyj rynek kak mekhanizm institutsional'nykh izmenenij. *Obshestvennye nauki i sovremennost'* (5): 25–38.

Статья поступила в редакцию
27 марта 2014 г.